

Мифологема «Япония – Россия – Запад» в ранобэ Кафки Асагири «Проза бродячих псов»

© Королева В.В.^{a,b}, Притомская А.Р.^{a,c}, 2025

^a Владимирский государственный университет
им. братьев Столетовых, Владимир, Россия

^b ORCID: 0000-0002-7608-9772; queenvera@yandex.ru

^c ORCID: 0009-0006-0948-770X; gera.greenhill@gmail.com

Резюме. В статье с помощью мифопоэтического метода исследуется специфика реализации мифологеми «Япония – Россия – Запад» в цикле ранобэ Кафки Асагири «Проза бродячих псов». Утверждается мысль о том, что данная мифологема создается на основе приема мифологизации культурных исторических имен (японских, европейских и российских авторов) и отражает представления современной японской нации о России и Европе, а также о собственном государстве и культуре в контексте исторического процесса.

Делается вывод, что специфика приема мифологизации в рассматриваемых ранобэ указывает на радикализацию гражданско-патриотических настроений в Японии в связи с европеизацией и глобализацией в современном мире. Это отражает актуальное состояние национальной мысли в Японии, а именно попытку самоопределения и самоидентификации в отношении культуры и принципов мировых гегемонов, России и коллективного Запада.

Специфические же поп-культурные архетипы и клише, определяющие поведение персонажей ранобэ, способствуют эффективному распространению данных идей среди молодой аудитории, подверженной влиянию идеологических противников современной Японии через новые медиа.

Ключевые слова: мифологема, мифопоэтический подход, мифологизация культурного имени, восточная культура, западная культура, русская культура, европеизация, глобализация

Цитирование: Королева В.В., Притомская А.Р. (Владимир). Мифологема «Япония – Россия – Запад» в ранобэ Кафки Асагири «Проза бродячих псов». *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 69–76. DOI: 10.31857/S0321507525070091

The Mythologeme “Japan – Russia – the West” in Kafka Asagiri’s Ranobe “Bungo Stray Dogs”

© Koroleva V.V.^{a,b}, Pritomskaya A.R.^{a,c}, 2025

^a The University of Vladimir, Vladimir, Russia

^b ORCID: 0000-0002-7608-9772; queenvera@yandex.ru

^c ORCID: 0009-0006-0948-770X; gera.greenhill@gmail.com

Abstract. The article uses the mythopoetics (considering culture as a text) to explore the specifics of the mythologeme “Japan – Russia – the West” implementation in Kafka Asagiri’s Ranobe cycle “Bungo Stray Dogs”. It is argued that this mythologeme is created through the method of mythologizing cultural historical names (names of Japanese, European and Russian authors) and reflects the ideas of the modern Japanese nation about Russia and Europe, as well as about its own state and culture in the context of the historical process. It is concluded that the peculiarities of the mythologization in the considered Ranobe indicate the radicalization of civil-patriotic sentiments in Japan in the face of violent processes of europeanization and globalization in the modern world and reflect the current state of national thought in Japan, namely, an attempt at self-determination and self-identification in relation to the culture and principles of world hegemony, of Russia and the West. The specific pop-cultural archetypes and clichés that define the behavior of characters in the novellas contribute to the effective dissemination of these ideas to a young audience influenced by ideological opponents of modern Japan through New Media.

Keywords: mythologeme, mythopoetics, mythologization of a cultural name, Eastern culture, Western culture, Russian culture, europeanization, globalization

For citation: Koroleva V.V., Pritomskaya A.R. (Vladimir). The Mythologeme "Japan – Russia – the West" in Kafka Asagiri's Ranobe "Bungo Stray Dogs". *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 69–76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507 525070091

РАНОБЭ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Культура Японии становится сегодня все более востребованной в России, особенно массовая. Вслед за *аниме*¹ и *мангой*² неподдельный интерес стал вызывать и новый жанр современной популярной литературы Японии – *ранобэ* – симбиоз манги и прозы, отличающийся преимущественно фэнтезийным сюжетом, обилием диалогов, стилизованными иллюстрациями [1, с. 61].

Ранобэ представляют большой интерес и для исследователей, так как являются носителями ценной культурной информации – современного *культурного кода* Японии. Они отражают актуальный взгляд японцев на мировую культуру; в рамках данного литературного жанра осмысливается специфика японской культуры и цивилизации, а также направления взаимодействия с другими крупными мировыми культурами (русской и западной).

Одним из ярких примеров является цикл новелл Кафки Асагири³ «Проза бродячих псов», завоевавший в России особую любовь и популярность. Новеллы повествуют о фантастических приключениях членов «Вооруженного детективного агентства» со сверхъестественными способностями, призванных бороться с внешним вторжением и внутренней угрозой. В основе сюжета ранобэ лежит прием *мифологизации* культурных и исторических имен, т.к. подавляющее большинство персонажей цикла носят имена японских, европейских и русских авторов и их персонажей. Можно говорить, что К.Асагири создает в цикле новелл три мифологемы: «Япония – Россия – Запад».

Объектом данного исследования стали такие понятия, как «национальная», «западная», «восточная культура», «русская культура», «европоцентризм», «коллективный Запад». Особое внимание уделяется вопросу своеобразия русской и японской культур, их места в мировом культурно-историческом процессе с точки зрения японского автора, а также роли, которую западная европоцентричная культура сыграла в духовной жизни Японии и России. Мы полагаем, что ранобэ «Проза бродячих псов» становится культурной мифологемой, которая формирует у читателей устойчивое представление о Японии как о гармоничной силе, выступающей против мирового хаоса, как о великой цивилизации, выполняющей особую миссию, а также о Западе, как о носителе деструктивных идей, чей менталитет носит разрушительный характер.

Целью нашего исследования является выделение и описание специфики мифологем «Япония – Россия – Запад» в цикле ранобэ К.Асагири «Проза бродячих псов» с точки зрения того, как данные мифологемы отражают представления современной японской нации о России и Европе, а также о собственном государстве и культуре в контексте исторического процесса.

В своей работе мы прибегаем к мифопоэтическому методу, инструментарий которого на сегодняшний день широко используется за пределами литературоведения, а именно в изучении культур и идеологий как текстов (см. исследования культуролога и философа О.А.Габриеляна [2, 3]). Проблема же взаимоотношения мифа и художественного текста (поэтика мифа, явление мифологемы) разрабатывались в трудах литературоведа З.Г.Минц, философа культуры М.Элиаде, исследователя мифологии Дж.Кэмпбелла, философа и историка культуры М.Мелетинского, филолога и культуролога С.С.Аверинцева, литературоведа и исследователя семиотики Ю.М.Лотмана и др.

Необходимо отметить, что понятие «культурный код», упомянутое выше, мы рассматриваем в контексте работ Ю.М.Лотмана, т.е. как «упорядоченную совокупность образов, кодифицированных в данной культуре» [6, с. 394], которая служит как семиотическая система при коммуникации культур, не только для расшифровки отдельных знаков и их перевода с «языка» одной культуры на «язык» другой, но и для выявления несоответствий в ценностной ориентации между культурами (коннотация знака в отдельной культуре).

¹ Аниме – японская анимация с характерным визуальным и звуковым стилем (прим. авт.).

² Манга – особый жанр японских черно-белых комиксов (прим. авт.).

³ Кафка Асагири – японский сценарист и писатель ранобэ (прим. авт.).

На современном этапе в науке существует целый ряд определений мифологемы, которая понимается как реализация архетипа в художественном произведении [4], заимствование у мифа тем и мотивов, «свернутый до имени – чаще всего, до имени собственного, “осколок” мифологического текста, “метафорически” сопоставляющий явление из миров мифа и истории и “метонимически” замещающий ситуации и сюжеты» [5, с. 54]. При этом филолог В.Н.Варламова отмечает: «Архетип, будучи универсальной моделью в человеческой культуре, остается статичным и актуализируется в зависимости от его окружения. “Мифологема” – всегда динамична и является способом развертывания архетипа в сюжетах» [7].

ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМА МИФОЛОГИЗАЦИИ В РАНОБЭ К.АСАГИРИ

На наш взгляд, К.Асагири, как автор произведений хотя и массовой, но все же постмодернистской литературы, создает три мифологемы (Япония – Запад – Россия), представленные в ранобэ именами-мифами писателей, чьи образы отражают наиболее значимые аспекты национального самосознания (японского) или релевантные проблемы общества (европейского и американского) с точки зрения японца: эгоцентризм, отказ от религиозного сознания, пресыщенность жизнью, влечение к смерти и моральный нигилизм.

В цикле новелл «Проза бродячих псов» можно выделить два типа мифологизации: имен писателей (Достоевский, Готорн, Верн) и имен персонажей (Алиса, Франкенштейн). Следует отметить, что данные персонажи действуют по законам жанра *манги* и/или *аниме* и представляют собой усредненные архетипы японской поп-культуры. Однако личность каждого персонажа имеет отдельную яркую черту характера, которую принято приписывать тому или иному автору в культуре или, скорее, поп-культуре. Каждый герой обладает сверхъестественной способностью, представляющей собой мифологизированного персонажа, или назван именем важнейшего произведения конкретного писателя: так, к примеру, сверхспособность Федора Достоевского зовется «Преступление и наказание», Ивана Гончарова – «Обрыв» и т.д.; секретное оружие доктора Мэри Уолстонкрафт носит имя Адама Франкенштейна и представляет собой современное переосмысление персонажа Мэри Шелли – человекоподобного киборга.

Действующие лица ранобэ «Проза бродячих псов» представлены в сводной таблице (см. *табл.*).

Таблица. Список стран и имен авторов, их мифологизирующих
Table. List of countries and names of authors mythologizing them

Страна	Имена писателей
Япония	Всего более 30 имен. Основные: Чуя/Тюя Накахара, Осаму Дадзай/Дазай, А.Рюоске, С.Ода, Д.Куникада, А.Ёсамо, Д.Танидзаки и т.д.
Франция	П.Верлен, А.Рембо, В.Гюго, А.Жид
США	Ф.Фицджеральд, Э.А.По, Г.Мелвилл, Д.Стейнбек, М.Твен, Н.Готорн
Россия	Ф.М.Достоевский, А.С.Пушкин, И.А.Гончаров, Н.В.Гоголь
Германия	И.В.Гёте
Великобритания	А.Кристи, Г.Уэллс, М.Шелли, У.Шекспир

Составлено авторами.

Центральное место в новеллах занимает мифологема «Япония», в основе которой лежит идея о культуре Японии как об исключительной и гармоничной. Историк В.В.Кожевников так характеризует этот внутрикультурный процесс: «После того как за 30 лет японцы сделали переворот в своей жизни и догнали европейцев, их национальное достоинство <...> сменилось национальной гордостью... В Японии появились идеи мессианства в отношении собственной нации: Япония поведет мир дальше уже как представительница восточных рас, страна способна указывать всему остальному миру, куда он должен двигаться» [8].

Конфликт в произведении строится на том, что современный мир страдает от отголосков Великой войны, с которыми внутри Японии сражается Детективное агентство, состоящее из персонажей, мифологизирующих имена выдающихся японских авторов. Именно японские писатели призваны восстано-

вить гармонию и равновесие в мире как на идейном (подают пример чести и морали), так и на физическом уровнях (восстанавливают ход времени, силу притяжения и т.д.). По мысли автора, гармония нарушена из-за прагматического сознания коллективного Запада, которое основано на таких философских идеях, как теория капитализма, идеи Ницше, лежащие в основе их произведений, что привело европейское общество к моральному нигилизму, к толерантности и даже солидарности с про-милитаризмом. Первая и Вторая мировые войны стали следствием дисгармоничной политики западных государств. По мнению К.Асагири, Япония оказывается втянутой в мировой хаос посредством пропаганды западного искусства, в том числе литературы, распространившей «нездоровые» идеи на японскую цивилизацию, поскольку сюжеты произведений зарубежных авторов демонстрируют смерть, страдания и разрушение (например, новелла «55 минут»).

В этом контексте интерес представляет новелла «Буревестник», где протагонистом выступает Чуя Накахара, а антагонистами – Поль Верлен и Артюр Рембо. П.Верлен изображается как безжалостный убийца, одержимый идеей научить своего младшего брата, Чую Накахару (прообразом которого выступил поэт Чуя Накахара, последователь реальных Верлена и Рембо), «настоящей жизни». Верлен предает и убивает своего ближайшего друга и напарника, Рембо, поскольку тот «притворялся, что понимает» экзистенциальную боль Верлена. Накахара же, присоединившись к группе японских писателей, отрекается от брата, одержимого идеей разрушения, хотя и пытается помочь страдающему Верлену, рискуя своей жизнью.

В этом самоотверженном отказе следовать за ложной идеей во имя любви и долга Асагири видит оптимальный цивилизационный путь Японии: если западную цивилизацию нельзя спасти, от нее нужно отказаться; если западная цивилизация представляет угрозу – ее необходимо предотвратить.

Накахара представляет собой моральный идеал автора. Рембо дважды отдает жизнь за Верлена (в фэнтезийном сюжете «Прозы бродячих псов» смерть не всегда является финалом существования). Верлен же верен лишь своей идее и предает Рембо. Накахара выступает моральным антагонистом своего учителя и брата. Отдав долг их родству, он не предает Верлена, но и не поддерживает его планы. Асагири считает, что японская культура должна отречься от европейской, хотя и признает колоссальное влияние последней на развитие японской цивилизации.

Гармоничной Японии Асагири противопоставляет Европу, которая «заражена» безумием. Европейцы под влиянием ницшеанских идей утратили моральные ориентиры и возложили на себя право распоряжаться судьбами других наций. Мифологема «Европа» осмысливается через европейскую культуру, в частности литературу, так как нация развивается под ее влиянием. Она отражает ценности общества и одновременно формирует их. Автор демонстрирует глубокие познания в области европейской и американской литературы. Асагири приходит к выводу, что искусство Европы «больное», гротескное, как и ее культура. В новеллах «Прозы бродячих псов» писатели Америки и Европы мифологизируются и объединяются под названием «трансценденты». Имя-миф представляет собой архетип, который включает в себя японское представление о европейской литературе, характерное для данного писателя. Как правило, этот персонаж обладает чертами, присущими герою его произведений, или несет идеологию, близкую одному из героев.

Автор также возлагает на европейских писателей ответственность за возникновение идей фашизма, а также за создание ядерного оружия. В новелле «55 минут» оружие, принцип действия которого отсылает к ядерной бомбе, уничтожает друзей главного героя, его самого и почти стирает с лица земли Японию. Это оружие в произведении создает Г.Уэллс (мифологизация имени Герберта Уэллса, который совмещает в себе образы его персонажей-ученых), но изобретение похищают Гёте, Гюго и Шекспир, чтобы использовать в интересах европейской коалиции. Характерно, что автор выделяет трех, по его мнению, самых великих писателей Европы, возлагая на них ответственность за национальные ошибки.

Автор ранобэ выделяет наиболее значимых писателей коллективного Запада, которые повлияли на формирование европейского сознания: авторов хорроров (Стокер, Лавкрафт, Шелли, По), модернистов (Рембо, Верлен, Жид) и «просто великих» авторов разных эпох – Готорн, Мелвилл, Джойс и т.д. Все писатели обладают сверхспособностями и названы «трансцендентами». Их сложно превзойти, поскольку они обладают способностями высшего порядка: управляют временем, гравитацией, материей и т.д. Японцы в этом отношении слабее, но всегда побеждают, поскольку готовы пожертвовать собой. Японцев выделяет командная работа, отношение друг к другу как к семье, тогда как европейцы чаще всего индивидуалисты.

Основной проблемой коллективного Запада становится, по мнению Асагири, убежденность в собственной исключительности. Европоцентризм угрожает всему миру, поскольку влечение западной культуры к смерти губительно для всех. Запад не может остановить угасание своей культуры, которая построена на материальной выгоде и характеризуется пресыщенностью жизнью, внутренней опустошенностью, отрицательно влияющими на японскую культуру. В новеллах Асагири звучит мысль, что Запад возложил на себя роль избранного, имеющего право решать судьбу всего мира, опираясь на собственную выгоду.

В новелле «Буревестник» возникает образ доктора Мэри Уолстонкрафт, прообразом которой стала писательница Мэри Шелли. У Асагири Мэри – девятилетняя девочка, гениальная изобретательница, которая создает Адама и Еву Франкенштейн, гуманоидных роботов с искусственным интеллектом и даже личностью. Таким образом, автор модернизирует миф о Франкенштейне, представляя его современную версию, где Франкенштейн, в отличие от своего прототипа, находит свое место в мире и способен гармонично сосуществовать как со своим творцом, так и с обществом. Во многом это заслуга Мэри, создавшей Еву для Адама и заложившей в него способность к коммуникации (поскольку Адам обладает привлекательной человеческой внешностью), что разрешает конфликт в оригинальном романе Мэри Шелли, а именно освобождает Франкенштейна от страданий одиночества и «отцовского» проклятия. Своеобразно решает Асагири и судьбу писательницы, «вычеркивая» Перси Шелли из судьбы гениального автора в художественном мире новеллы.

В ранобэ «Дазай Осаму и Темная эра» возникает миф об Андре Жиде. В цикле «Проза бродячих псов» Жид, как и остальные европейские писатели, изображается как отрицательный персонаж, он глава подразделения «живых мертвецов» «Мимик». Жид вынужден искать смерти для себя и своих боевых товарищей, неспособных умереть. Ради забвения Жид провоцирует Дазая Осаму, который устраивает катастрофу, чтобы погибнуть самому и убить своих измученных товарищей. Сверхспособностью Жиды является при этом дар предвиденья, он предсказывает удары противника и поэтому неуязвим. Возможно, такая акцентуация на смерти и нечеловеческий цинизм персонажа продиктованы глубокими экзистенциальными переживаниями реального А.Жида, его интересом к философии Ницше и прозе Достоевского.

ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГЕМЫ «РОССИЯ» В РАНОБЭ К.АСАГИРИ

России в этом противостоянии отводится особое место. Как отмечает историк-японец В.В.Кожевников, русские и японцы психологически очень близки, «и те, и другие далеки от западного менталитета», «с одной стороны, и русские, и японцы идеализировали Запад, подчеркивая собственную отсталость. С другой – время от времени и Россия, и Япония критиковали Запад за его отсталость, в первую очередь в области морали, подчеркивали собственное превосходство и исключительность» [8]. Однако препятствием на пути взаимопонимания двух наций стал исторический процесс и военные конфликты между государствами. Россия оказывается между Европой и Азией, подобно Японии отстаивая свой уникальный путь развития.

Русские писатели представлены в ранобэ Ф.М.Достоевским, А.С.Пушкиным, И.А.Гончаровым и Н.В.Гоголем, которые входят в организацию «Крысы мертвого дома» (что является аллюзией на повесть Ф.М.Достоевского «Записки из Мертвого дома»). К вышеперечисленным персонажам присоединяется и Н.Готорн, поскольку он также глубоко религиозен и считает себя богоизбранным. Русские под предводительством Ф.М.Достоевского настроены против разрушительного менталитета Запада.

В образе «Феди» (как его называют в рамках франшизы «Великий из бродячих псов») романтизирован поп-культурный образ психопатии. Фигура Достоевского сильно выделяется на общем фоне. Федор – это молодой, внешне привлекательный мужчина, страдающий анемией, циничный и склонный к меланхолии. Его атрибутом становится русская ушанка. Внешняя привлекательность выражает здесь, на наш взгляд, солидарность автора с идеями персонажа – размышления о красоте как эстетической категории («красота» является одним из ключевых концептов японской культуры). Асагири осмысливает также концепцию наказания Ф.М.Достоевского из романа «Преступление и наказание». Русский писатель становится орудием наказания за преступления европейцев. На наш взгляд, Достоевский выступает в «Прозе бродячих псов» идеологическим оппонентом Ницше, идеи которого обнаруживают себя в новеллах на уровне подтекста. Федор – патологический манипулятор, ведомый, по его словам, самим бо-

гом. Его «дар» – «Преступление и наказание» – способность убивать оппонента при столкновении. Уязвимостью персонажа является его слабое здоровье (что в нашем сознании ближе образам Н.В.Гоголя или М.Ю.Лермонтова). Личность Достоевского в цикле подменяется образами его персонажей – Н.Ставрогина, Р.Раскольникова и П.Верховенского.

На наш взгляд, исключительность представителей русской культуры, в частности Достоевского, в новелле указывает на значимость русской культуры и цивилизации в мире.

Русские авторы также заражены безумием (образ Гончарова, Гоголя), но на идеологическом уровне противопоставлены западным писателям. Исторические корни этого процесса В.В.Кожевников описывает следующим образом: «У русских артистичная натура неразрывно связана с сознанием своей индивидуальности, личной особенности и личной самооценности, но у японцев сознание особенности и меры ценности прилагаются, видимо, к индивидуальности не личной, а собирательной, каковой является нация» [8]. Идея новеллы «Крысы мертвого дома» проникнута осознанием необходимости остановить мировое зло, а также глубинной саморефлексией, осознанием собственной греховности, присущей тем нациям, что отстаивают право на уникальный путь исторического развития.

И хотя русские в ранобэ представлены положительными для японской поп-культуры архетипами, прослеживается авторская критика идеологии Раскольникова Ф.М.Достоевского, в основе которой – те же деструктивные идеи, что и у Запада. Идея о себе как об избранниках Бога («теория Раскольникова»), убежденность в праве вершить самосуд – все это проявления европейского влияния. К.Асагири видит в русской культуре зараженность безумием, которое уже ведет к краху западную цивилизацию.

Одна из обложек манги из цикла «Проза бродячих псов», изображающая Достоевского и Гоголя, имеет надпись: «Грандиозные истории, разрушающие основы мироздания, обычно создаются в маленькой тесной комнате». Это проливает свет на дихотомию культур, описанную К.Асагири. Японская культура, в частности литература, стремится к гармонии, как конечному состоянию души и мироздания. Европейская культура, по мнению автора, напротив, всегда стремилась не к созиданию и гармонии, а к обнажению диссонанса, ужаса бытия. Этим обусловлен и выбор авторов, действующих в «Прозе бродячих псов»: от историй о сумасшествии Э.По и Г.Лавкрафта до литературы пустоты и экзистенциального кризиса П.Верлена и А.Жида.

Европейские авторы стремились вмешаться в законы существования нашей реальности (попытки М.Шелли повторить акт творения, путешествия во времени Г.Уэллса). Этим объясняется стремление персонажей, прообразами которых выступают японские авторы, изгнать деструктивные идеи из своего мира. В этом идейном антагонизме России, коллективного Запада и Японии прослеживается мысль о важной роли Японии в созидании мировой гармонии, примирении духовного раскола, возникшего из-за западных наций, их стремления к саморазрушению и смерти. Япония же хочет обособиться от окружающей ее деструктивной европейской политики. Гармоничная культура этой страны стремится к идее простого счастья в наслаждении любовью и дружбой. Это выражается в образе Чуи Накахары, который признает ценность отдельных аспектов влияния Поля Верлена на свою жизнь (как Япония признает ценность влияния французской литературы), но все же отвергает «брата», распознавая в основе его идей деструктивную, тлетворную для гармоничного японского образа жизни идеологию европоцентризма.

РАНОБЭ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Еще в 1903 г. искусствовед К.Окакура отмечал в своем труде «Идеалы Востока: дух японского искусства»: «...и Япония не должна забывать, что сегодня она стоит лицом к лицу с новыми вызовами, требующими *ещё большего воодушевления и самоуважения*» [8, с. 10]. Таким образом, можно говорить, что мифологема «Япония – Россия – Запад» в цикле новелл «Проза бродячих псов» выполняет важную функцию, распространяя идею о Великой миссии и особом цивилизационном пути Японии на юную аудиторию, которая, в силу возраста, склонна потреблять информацию лишь из новых медиа, часто подконтрольных идеологическим противникам современной Японии. Специфика же приема мифологизации в рассматриваемых ранобэ указывает на радикализацию гражданско-патриотических настроений в Японии перед лицом насильственных процессов европеизации и глобализации в XXI веке. Посредством ярких, привлекательных для молодежи образов франшиза «Великий из Бродячих псов» транслирует уже не новую идею о разделении мира на «своих» и «чужих».

Исследовательница Е.Г.Скворцова отмечает, что «столкновение таких различных и в материальном, и в духовном плане цивилизаций, как Япония и Запад, носило драматический характер. “Вилка” образов Японии, создаваемых самими японцами под влиянием образа западной цивилизации, была очень широка: от полного неприятия оснований собственной культуры и интеллектуального самоуничтожения до национального нарциссизма и восторженного самолюбования» [9]. Идеализация образа Японии в ранобэ указывает на то, что японская нация не пришла к окончательному выводу, принять западные ценности окончательно или же отвергнуть их раз и навсегда, закрепив за собой право на безоговорочное самоопределение в ориентации на собственный исторический путь. Категорическое же осуждение идей, ставших основой нацистской идеологии, в то время как сама Япония являлась страной, подписавшей Берлинский пакт, указывает на активную саморефлексию нации с целью переосмыслить свое место в мире и наметить путь дальнейшего глобального развития.

Таким образом, несмотря на очевидный развлекательный характер, ранобэ «Проза бродячих псов», посредством создания мифологем «Япония – Россия – Запад», отражает актуальное состояние национальной мысли в Японии, а именно попытку самоопределения и самоидентификации в отношении культуры и принципов мировых гегемонов – России и коллективного Запада.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

1. Miller S.J. Historical Dictionary of Modern Japanese Literature and Theater. United Kingdom: Scarecrow Press, 2009. 234 p.
2. Габриелян О.А. Мифопоэтика культуры: к возможной методологии исследования. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2018. № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-kultury-k-vozmozhnoy-metodologii-issledovaniya> (accessed 10.07.2024)
Gabrielyan O.A. 2018. Mythopoetics of Culture: towards a possible research methodology. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University Philosophy. Political science. Cultural studies*. Iss. 70 (3). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-kultury-k-vozmozhnoy-metodologii-issledovaniya> (accessed 10.07.2024)
3. Габриелян О.А. Мифопоэтика идеологии. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2019. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-ideologii> (accessed 10.07.2024)
Gabrielyan O.A. 2019. Mythopoetics of ideology. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University Philosophy. Political science. Cultural studies*. Iss. 71 (1). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-ideologii> (accessed 10.07.2024)
4. Козицкая Е.А. Архетип «вода» в творчестве А.А.Ахматовой. <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kozitskaya-mifologema-vody-v-tvorchestve-ahmatovoj.htm> (accessed 02.07.2024)
Kozitskaya E.A. The archetype of “water” in the work of A.A.Akhmatova. (In Russ.). <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kozitskaya-mifologema-vody-v-tvorchestve-ahmatovoj.htm> (accessed 02.07.2024)
5. Лотман Ю.М. Труды по знаковым системам. *Ученые записки Тартуского государственного университета*. 1971. 549 с.
Lotman Yu.M. 1971. Works on sign systems. *Bulletin of the Tartu University*. 549 p. (In Russ.)
6. Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. 563 с.
Lotman Yu.M. and the Tartu-Moscow Semiotic school. Moscow, 1994. 563 p. (In Russ.)
7. Варламова В.Н. Лингвистические особенности мифологемы в художественном тексте. *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2016. № 5 (19–2). <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-mifologemy-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed 03.01.2024)
Varlamova V.N. 2016. Linguistic features of the mythologeme in a literary text. *Questions of teaching methods at the university*. № 5 (19–2). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-mifologemy-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed 03.01.2024)
8. Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XXI в.: какими они будут? (субъективные размышления историка). *Вестник ДВО РАН*. 2005. № 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-yaponskie-otnosheniya-v-hhi-v-kakimi-oni-budut-subektivnye-razmyshleniya-istorika> (accessed 05.07.2024)
Kozhevnikov V.V. 2005. Russian-Japanese relations in the 21st Century: what will they be like? *Vestnik DVO RAN*. № 4. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-yaponskie-otnosheniya-v-hhi-v-kakimi-oni-budut-subektivnye-razmyshleniya-istorika> (accessed 05.07.2024)
9. Okakura K. The ideals of the East, with special reference to the art of Japan. United Kingdom: John Murray, 1903. 244 p.

10. Сковрцова Е.Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией. *Вопросы философии*. 2012. № 7. С. 52–64.
Skvortsova E.L. 2012. Japan: the crisis of cultural identity at the meeting with Western civilization. *Voprosy Filosofii*. № 7. Pp. 52–64. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета им. братьев Столетовых, Владимир, Россия.

Vera V. Koroleva, Dr.Sc. (Philology), Head, Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia.

Притомская Алина Романовна, ассистент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета им. братьев Столетовых, Владимир, Россия.

Alina R. Pritomskaya, Assistant, Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.11.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 04.05.2025

Принята к публикации
(Accepted) 02.06.2025